

УДК: 141.201

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО ДИСКУРСА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Клецкин М. В.

Самарский государственный медицинский университет, доцент кафедры философии и культурологии, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: samkoms@mail.ru

Целью работы является исследование становления ценностного дискурса в античности и нахождение взаимосвязи концепта Блага с вопросом об истинности познания. Приводится авторская интерпретация Блага на материале произведений античных философов. Показано сходство и отличие понимания Блага у Платона, Аристотеля и стоиков; также показана связь фундирующего ценностное бытие Блага с практическим целеполаганием и истиной. В философии Платона Благо является высшей идеей, обобщающей содержание еще не различных ценностных форм сознания индивида; более того, именно у Платона бытие и познание впервые становятся ценностными через свою причастность к Благу. Понимание целесообразной деятельности немислимо без ценностных представлений о фундирующем ее ценностном отношении, являющимся, в свою очередь, формой реализации практического отношения индивида к мироокружному существу. Наличные сущности ценны, поскольку рассматриваются в аспекте пригодности для достижения необходимого индивиду телоса. Действительное бытие индивида в этом смысле всегда «подручно», то есть служит для индивида средством реализации предзаданного бытием телоса (Блага). Выдвинуто предположение, что общей тенденцией в философии античности было гипостазирование Блага и его деиндивидуализация. Источник ценностного бытия искали в так или иначе понятой природе, в боге, в мире идей, но не в природе человека.

Ключевые слова: Благо, истина, ценность, ценностное бытие, практика.

Первых европейских философов уже волновал вопрос: как и почему вещи становятся ценными и желанными для индивида? Ответ на этот вопрос сводился в античности к интерпретации понятия «Благо», которое перешло в философию из религии и мифа, поэтому было синкретично с этическими, юридическими и эстетическими смыслами понятий: «справедливость», «добро», «истина», «прекрасное». Например, в знаменитом фрагменте книги Анаксимандра, говорится об «ущербе», «возмездии»: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу законное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени» [1, С. 127].

Синкретичное происхождение ценностных понятий подтверждается и этимологией слова «ценность». В словаре Макса Фасмера указывается, что слово «цена» восходит к древнеиранскому слову, обозначающему «возмездие, месть, наказание», также и соответствующее древнегреческое слово «ἀξία» [2, С. 298]. То

есть «цена» – это «наказание» за что-то, за что мы должны «платить цену». За что? Чтобы получить что-то желаемое? Если рассуждать таким образом, то «обладать ценностью» для индивида означает нести наказание за обладание этим предметом – чтобы осуществить свои потребности, человеку необходимо заплатить определенную цену. Тяжесть наказания («возмездия») за владение предметом или его уничтожение, определяет ценность соответствующей вещи для индивида.

Еще в древности произошло абстрагирование ценных вещей от формирующего их «ценность» ценностного отношения индивида к сущему, поэтому существительное «ценность» (греч. ἀξία) вторично по отношению к прилагательному «ценный» (греч. αξίος). По тому же принципу из эстетического отношения родилась идея «прекрасного», а из ценностного отношения – идея «блага» (ценного самого по себе). Абсолютизированные идеи очень удобно навязывать обществу как универсальные и непререкаемые ценности (идеалы, догмы). Пример подобной абсолютизации мы находим у итальянского поэта и философа V-го века до н.э. Эпихарма:

«Добро – это вещь, [существующая] сама по себе,
а кто Ее познает, изучив, тотчас [сам] становится добрым,
Подобно тому как флейтист – тот, кто научился игре на флейте,
Танцор – кто танцу, плетельщик – кто плетенью,
И точно так же все, что тебе угодно в том же роде:
Сам он не будет уменьем (τέχνα), но умельцем (τεχνικός)» [1, С. 262].

«Добро», согласно данному фрагменту, существует «само-по-себе», как позднее в учении Платона Благо существовало «по ту сторону» сущностей: «Существование Блага – не сущность [οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ], но даже за сущностью [ἐλέκειναι τῆς οὐσίας]» [3, 509b]. «Добрым» человек становится через изучение «добра-самого-по-себе», также и истинная ценность вещей познается через изучение «блага-самого-по-себе».

Аналогичным образом право гарантировало не только исполнение гражданских законов, но и истинность высказываний, что доказывает и этимология ценностных понятий: «Вначале слово “аксиома” означало “честь”, “ранг”, “высокое положение”, “репутацию”, а затем “достоинство” вещей и, наконец, у Аристотеля, то, что принимается за рациональное основоположение – первопринципы в математике (Метафизика 1005a20) и в философии (Метафизика 1001b7)» [4, Р. 172]. Также и в философии Анаксагора (как свидетельствует Аристотель) управляющий всем «Ум» движим «благом», и даже тождественен с ним: «Анаксагор считает благо движущим началом, ибо движет [по его мнению] ум» [5, С. 318].

Первым, кто начал изучать не сущее как таковое, не чувственную видимость, а бытие человека и смысл понятий были софисты и Сократ. Должно быть что-то общее, делающее вещи ценными и придающее смысл их существованию. Таким объединяющим началом для Сократа, судя по воспоминаниям его учеников, было Благо. Сократ первым задумался об определении общих понятий, то есть начал изучать не сущее как таковое, не чувственную видимость, а бытие человека и смысл понятий. Есть что-то общее, что делает вещи прекрасными и придает смысл их существованию. Можно, на наш взгляд, сказать, что Сократ первым выделил такую

существенную способность ценностного отношения, как его способность задавать конечные цели практики, и тем самым конституировать ценностное бытие индивида. Как позднее писал Аристотель, Благо всегда осуществляется через реализующее телос (конечную цель) действие: «Благое и прекрасное – это не одно и то же (первое всегда выражено в действии, между тем прекрасное бывает и в вещах неподвижных [таких как числа])» [5, С. 326]. Цель («телос»), как осуществление блага, связывает воедино все ценностные представления, будучи их общим принципом («архэ») и смыслом («логос»). Понимание целесообразной деятельности немислимо без ценностных представлений о фундирующем ее ценностном отношении индивида к мироокружному существу.

Основы психологического понимания ценностного отношения можно увидеть в этических учениях Демокрита и Эпикура. Суть психологизма выражается в утверждении, что любые объекты действительности приобретают ценностные характеристики вследствие вызываемых в душе индивида переживаний – например переживание чувств удовольствия и неудовольствия. Важнейшим ценностным критерием в учениях античных атомистов было чувство удовольствия. В учении Демокрита удовольствие свидетельствует о том, что человек поступает хорошо, а страдание свидетельствует о плохих поступках, противоречащих природе человека. Удовольствие и страдание служат, тем самым, ценностными ориентирами в деятельности индивида. Соответственно, ценно все, что способствует получению удовольствия. Подобный взгляд критикует Аристотель: «А большинство обманывается явно из-за удовольствия, ведь оно, не будучи благом, кажется таковым. Итак, удовольствие выбирают, принимая его за благо, а страдания избегают, считая его злом» [6, С. 104].

С точки зрения психоанализа, гедонистический принцип в понимании ценностей античными атомистами неверен, ведь, хотя действия индивида и направляются неосознанным стремлением получить удовольствие, однако реализация этого стремления неизбежно проходит через стадию деструкции наличного бытия и страдание. Иногда, даже с опасностью для жизни, человек сам разрушает прежнюю жизнь для удовлетворения сущностных потребностей (например, столь важного в психоанализе инстинкта размножения). «[Страдание] идет, однако, рядом с чувствами наслаждения, потому что происходит растворение в подобном любимом (= в любви)» [7, С. 220]. Чувство удовольствия от разнообразных проявлений деструкции, согласно выдающейся российской ученице Фрейда – С. Н. Шпильрейн, вызывается неосознанными комплексами, порождаемыми необходимостью осуществления инстинкта размножения. Деструкция и физическое страдание играют важнейшую роль в деле сохранения человеческого рода, поэтому должны быть не менее важны, чем ценности, связанные с чувством удовольствия.

Вслед за Сократом, основой философского учения Платона стало гипостазированное Благо, понимаемое, как высшая идею фундирующая действительность, и служащая исходным пунктом понимания ее генезиса. «Так вот, следует считать, что и у всего познаваемого не только познаваемость пребывает от Блага, но и быть, и быть сущностью к ним прибывает от Него, хотя существование

самого Блага не сущность – оно за пределами сущности, превосходя ее старшинством и мощью» (Καὶ τοῖς γινώσκομένοις τοῖνυν μὴ μόνον τὸ γινώσκεισθαι φάναι ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ παρεῖναι, ἀλλὰ καὶ τὸ εἶναι τε καὶ τὴν οὐσίαν ὑπ' ἐκείνου αὐτοῖς προσεῖναι, οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ, ἀλλ' ἔτι ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβεία καὶ δυνάμει ὑπερέχοντος) [3, 509b6–10]. Благо существует само по себе и не является сущностью, то есть материальной вещью. Но, при этом, даже бытие и познание «при-бывают» (προσεῖναι) от Блага. «Без идеи блага все человеческие знания даже наиболее полные были бы совершенно бесполезны» [8, С. 317].

Таким образом, в философии Платона Благо является высшей идеей, обобщающей содержание еще не различных ценностных форм сознания индивида; более того, именно у Платона бытие и познание впервые становятся ценностными через свою причастность к Благу. В диалоге Платона «Горгий» Благо связывается с «достоинством» (значимостью) вещей: «... у всех действий цель одна – благо и все прочее должно делаться ради блага, но не благо – ради чего-то иного... Стало быть, благу следует подчинить все остальное, в том числе и удовольствия, но никак не благо – удовольствиям... Но достоинство [= ценность] каждой вещи, будь то утварь, тело, душа или любое живое существо, возникает во всей своей красе не случайно, но через слаженность, через правила того искусства, которое ей присуще» [9, С. 348]. Всякая единичная вещь наличного бытия причастна благу и существует именно через эту причастность. Бытие имеет основанием благу цель (греч. ἀγαθόν) и есть осуществление гипостазированной ценности – блага. «У Платона высшая из всех идей – и вместе существо их всех – есть агатон – то, что делает пригодным» [10, С. 158].

Познавая, человек ищет «сущность» и целесообразность в окружающем его мире, чувствует его имманентную ценность для себя. «Существо ценности состоит во внутренней связи с существом цели» [10, С. 71]. Благо и цель становились взаимосвязанными понятиями. В открытом, «образованном» в процессе реализации имманентной индивиду цели, наличном бытии сущее раскрывается индивиду. «Эйдос [«видность» (образность) – это один из атрибутов наличного бытия] определяется из глубины телоса» [11, С. 128]. Вспомним, что в учении Гераклита началом возникновения действительности является «от всего отдельный» логос – мышление (отождествляемое Парменидом с бытием), вынужденное различаться и становиться вещественным. В процессе осуществления целеполагания формируются действительное бытие индивида, рождающееся одновременно как ценностное бытие – бытие благое. Поэтому у Платона часто встречается аналогия Блага и солнца: «Благо породило его [солнце] аналогичным себе самому» (τὰγαθὸν ἐγέννησεν ἀνάλογον ἑαυτῷ) [3, 508b13]. Как солнце освещает мир, так, благодаря Благу, «высвечиваются» истина и сущее.

Но Благо не определяется через истину (как и через удовольствие), как солнце не может быть адекватно постигнуто через «солнцеобразные» сущности. «То, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое – познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было

считать свет и зрение солнцобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» [12, С. 344].

Итак, Благо понимается Платоном как то, что раскрывает бытие сущего и делает его ценностным. «К благу стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит» [12, С. 339]. Для раскрытия сущности ценности и ценностного отношения важно, что в рассмотренных фрагментах: 1) Благо, хоть и неявно, связывается с целеполаганием и практикой индивида; 2) ценностное отношение индивида к сущему интерпретируется как одно из конституирующих начал действительного бытия; 3) сформулированы некоторые критерии оценивания предметов наличного бытия, актуализирующие их потенциальную ценность.

Концепт Блага (греч. *αὔθων*) был также одним из центральных в философии Аристотеля. В. К. Шохин даже предлагает назвать учение Аристотеля «агатологией», дискурс которой «вполне сопоставим с дисциплинарной аксиологией, сложившейся более 23 столетий спустя» [13, С. 109]. Аристотель отмечал у предшествующих философов отсутствие анализа категории Блага: «они правы, утверждая, что благо есть начало, но в каком смысле оно начало, они не говорят, – как цель ли, или как движущее, или как форма» [5, С. 317]. Аристотель принципиально критиковал учение Платона, прежде всего за его идеализм, но идеалистическое учение Платона о Благe он воспринял некритически. Абстрактно понятое Благо также понималось им как причина и цель любой деятельности: «Благо ... есть цель всякого происхождения и движения» [5, С. 70].

Хотя Аристотель во главу угла ставит сознание и наличное бытие сущностей («предметов желания»), он при этом утверждает, что существует на самом деле прекрасный неподвижный «высший предмет воли», то есть нечто аналогичное платоновским идеям: «Имеется нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность. И движет так предмет желания и предмет мысли; они движут, не будучи приведены в движение ... предмет желания – это то, что кажется прекрасным, а высший предмет воли – то, что на деле прекрасно. Ведь мы скорее желаем нечто потому, что оно кажется нам хорошим, а не потому оно кажется нам хорошим, что мы его желаем, ибо начало – мысль» [5, С. 309]. Нельзя во всем соглашаться с великим философом. На наш взгляд, в данном случае Стагирит в духе платонической традиции: 1) абсолютизирует Благо, превращая его в подобие платоновской идеи; 2) не рассматривает вопрос происхождения самого Блага, то есть не отвечает на вопрос: почему нечто кажется нам хорошим? Ведь если Благо неподвижно и вечно, то оно не есть сущее, поскольку движение является свойством всего сущего. В случае понимания Блага как общей цели действия, Благо становится пустой абстракцией. Тезис, что «начало – мысль» верен, если под мыслью понимать единство сознания и неосознанного мышления. На этапе становления ценностного наличного бытия правильно, на наш взгляд, говорить, что нечто потому кажется нам хорошим, что мы его желаем, хотя, в зависимости от аспекта рассмотрения ценностного

отношения, правильным может быть и обратное положение. «Они [постигаемое мыслью и ум] будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемым мыслью» [5, С. 316]. В процессе мышления мысль и то, что мыслится, становятся для индивида одним и тем же, но сначала все же противоположны друг другу, и мысль наполняет содержанием независимое от мысли сущее.

Непреходящей заслугой Аристотеля было формирование представления о целеполагании и практике как о моментах становления наличного бытия и раскрытия истины сущего. Истинно сущее – бытие, а в качестве осознанного бытия – понятийный образ (с греч. εἶδος – вид) сущего, образованный в процессе практической реализации телоса и существующий как результат такой реализации – как «энтелехия» (с греч. ἐντελέχεια – осуществленность). Единичная сущность приобретает в процессе становления действительного бытия свое истинное понятийное бытие и ценностное значение в качестве энтелехии. Ценностность, таким образом, присуща всякому объекту действительного бытия, так как в наличном бытии воплощаются потребности индивида. Наличные сущности ценны, поскольку рассматриваются в аспекте пригодности для достижения необходимого индивиду телоса. Действительное бытие индивида в этом смысле всегда «подручно», то есть служит для индивида средством реализации предзаданного бытием телоса. Индивид выбирает в действительном бытии орудия достижения необходимого телоса, и, одновременно, ограничен наличием этих орудий.

Интересно также понимание становление представлений о природе ценности в философии стоицизма. В учении основателя стоицизма Зенона Китийского все сущее делится на относящееся к «благу», «злу» и «неразличенному» (греч. ἀδιάφορον): «из существующего одно является благом, другое – злом, третье же – безразличным» [14, С. 80]. Неразличенные сущности обладают или не обладают ценностью, в отличие от абсолютных Блага и Зла. То есть к неразличенному относятся любые сущности, которые, в зависимости от обстоятельств, могут оцениваться индивидом как ценные или неценные (греч. ἀαξία). Критерий оценивания рационален. «Те вещи, которые обладают полной ценностью, именуется предпочитаемыми (προτιμωμενον), а те, которые совсем лишены ценности – непредпочитаемыми. Предпочитаемым стоики называют то безразличное, которое мы выбираем согласно [рациональному] основанию для предпочтения. То же самое действительно и для непредпочитаемого» [14, С. 81–82].

Неразличенное делится на предпочитаемое («продвинутое» в наличное бытие), и, как следствие, обладающее ценностью, и на «непредпочитаемое» вследствие противоречия природе индивида, поэтому ценностью не обладающее. Различается и ценно то действительное, в чем нуждается индивид соответственно своей природе и рассуждению. Это шаг вперед в сравнении с философией Аристотеля, так как стоики индивидуализируют «приземленные» ценности, четко показывают их связь с индивидуальными потребностями. Но стоики так и не преодолели идущее от Платона гипостазирование Блага, они даже развивают эту идею, провозглашая дуализм Блага и предпочитаемого, радикально различая их. Цицерон правильно, на наш взгляд, критиковал понимание Блага у стоиков: «Действительно, какая разница, назовешь ли ты богатство, могущество, здоровье благом или предпочитаемым, если

тот, кто называет все это благом, вкладывает в это то же самое, что и ты, называя это предпочитаемым?» [15, С. 170–171].

Оставаясь в рамках представлений своей эпохи, античные философы исходили из существования чего-то неизменного – «перводвигателя», задающего движение космоса, и определяющего смысл и целеполагание человеческой деятельности. Не человек творил мир вокруг себя, а бог, природа или логос через человека, подчиняющегося силе необходимости вместо утверждения своей власти над природой. Из этой онтологической парадигмы исходила и античная ценностная концепция Блага. Источник ценностного бытия искали в так или иначе понятой природе, в боге, в мире идей, но не в природе человека. Средневековая христианская философия также не преодолела главный недостаток античного понимания Блага – деиндивидуализации бытия.

Список литературы

1. Фрагменты ранних греческих философов (часть 1): От эмпирических теокосмологий до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4. – 864 с.
3. *Platonis Rempublicam / recognovit brevique adnotatione critica instruxit S.R. Slings.* Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 2003.
4. *A Greek-English Lexicon Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented Throughout by Sir H. S. Jones. Vol. I.* Oxford, 1940.
5. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с.
6. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1981. – Т. 4. – 830 с.
7. Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Логос. – 1994. – № 5. – С. 207–238.
8. Платон. Сочинения в трех томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – 687 с.
9. Платон. Сочинения в четырех томах. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – Т. 1. – 632 с.
10. Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
11. Деррида Ж. Голос и феномен. И другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида; пер. с франц. С. Г. Кашиной. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
12. Платон. Сочинения в четырех томах. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – Т. 3. Ч. 1. – 752 с.
13. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
14. Фрагменты ранних стоиков. – М.: Греко-латинский кабинет, 1998. – Т.1. – 252 с.
15. Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. – М.: РГГУ, 2000. – 480 с.

Kletskin M. V. Formation of Value Discourse in Ancient Greek Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 15–22.

The aim of the work is to study the formation of value discourse in antiquity and to find the relationship of the concept of «Good» with the question of the truth of cognition. Based on the works of ancient philosophers, the author's interpretation of «Good» is given. The result is demonstration of similarity and difference of understanding of the Good in the philosophy of Plato, Aristotle and the Stoics. Also shows the relationship of the founding value being of the Good with practical goal-setting and truth. In the philosophy of Plato, the Good is the highest idea, generalizing the content of the not yet distinguished value forms of individual consciousness; moreover, it is precisely in Plato that being and knowledge for the first time become valuable through their involvement in the Good. Actual entities are valuable because they are considered in the aspect of fitness to achieve the necessary individual telos. It has been suggested that the general tendency in the

philosophy of antiquity was hypostasis of the Good and its de-individualization. The source of value being was sought in one way or another understood by nature, in God, in the world of ideas, but not in the nature of man.

Keywords: Good, truth, value, value being, practice.

References

1. Fragmenty rannih grecheskih filosofov (chast' 1): Ot jempiricheskikh teokosmologij do voznikovenija atomistiki [Fragments of the early Greek philosophers (part 1): From empirical thekosmology to the emergence of atomism]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p.
2. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h t. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., Vol. 4, 864 p.
3. Platonis Rempublicam / recognovit brevique adnotatione critica instruxit S.R. Slings. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 2003.
4. A Greek-English Lexicon Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented Throughout by Sir H. S. Jones. Vol. 1. Oxford, 1940.
5. Aristotle. Sobranie sochinenij v 4-h tomah [Works in 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1975, Vol. 1, 550 p.
6. Aristotle. Sobranie sochinenij v 4-h tomah [Works in 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1981, Vol. 4, 830 p.
7. Shpil'rejn S. N. Destrukcija kak prichina stanovlenija [Destruction as a cause of formation]. Logos, 1994. № 5. p. 207–238.
8. Plato. Sochinenija v treh tomah [Works in 3 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1971, Vol. 3, 687 p.
9. Plato. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in 4 volumes]. St.Petersburg, St Petersburg University Publ., 2006, Vol. 1, 632 p.
10. Heidegger M. Vremja i Bytie: Stat'i i vystuplenija [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
11. Derrida J. Golos i fenomen. I drugie raboty po teorii znaka Gusserlja [Voice and phenomenon. And other works on the theory of the sign of Husserl]. St.Petersburg, Aletejja Publ., 1999. 208 p.
12. Plato. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in 4 volumes]. St.Petersburg, St Petersburg University Publ., 2007, Vol. 3(1), 752 p.
13. Shohin V. K. Filosofija cennostej i rannaja aksiologicheskaja mysl': Monografija [Philosophy of Values and Early Axiological Thought: Monograph]. Moscow, RUDN University Publ., 2006, 457 p.
14. Fragmenty rannih stoikov [Fragments of the early Stoics]. Moscow, Greko-latinskij kabinet Publ., 1998, Vol. 1, 252 p.
15. Cicero. O predelah blaga i zla. Paradoksy stoikov [On the limits of good and evil. Stoic Paradoxes]. Moscow, RSUH University Publ., 2000, 480 p.